

А

(По поводу современной беллетристики)

В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин, "Литературная критика"

М: "Современник", 1982.

OCR: Кристина Славинская

sanelia@mail.ru

23.01.08

В последнее время все чаще и чаще случается слышать в обществе сетования на бедность нашей литературы (разумея собственно беллетристику). С одной стороны читающую публику поражает отсутствие новых замечательных талантов, которых появление составляло бы более и менее яркое событие; с другой стороны, не меньше приводит в недоумение и то обстоятельство, что беллетристика заговорила каким-то новым, совершенно отличным от прежнего языком, да и предметы для своих исследований стала почерпать из чуждого или по крайней мере мало известного для публике мира. Конечно, общество и ныне с удовольствием останавливает свое внимание на новых произведениях своих давнишних любимцев: Тургенева, графа Л. Н. Толстого и других, но так как эти писатели действуют на литературном поприще уже довольно продолжительное время, то вследствие естественного или случайного прекращения их деятельности, она надолго останется без хорошего литературного чтения.

Чтобы оценить эти сетования по достоинству, необходимо прежде всего взглянуть на состав нашей читающей публики. Элементы, составляющие эту публику" так разнообразны и притом обновляются с такою медленностью, что можно сказать почти утвердительно, что современный русский читающий люд совершенно тот же, какой был десять -- двадцать лет тому назад. Ядро его находится и доньше в той небольшой и замкнутой среде, к которой мы издавна до такой степени привыкли приурочивать все проявления нашей умственной деятельности, что, в строгом смысле, и самую литературу нашу можно почти назвать кастическим достоянием. Нет сомнения, что семена самосознания, брошенные в последнее время на почву русской жизни, значительно расширят границы этой среды в будущем, но покамест мы можем говорить об этом только гадательно. В настоящем читают и интересуются судьбами русской литературы все те же (или по крайней мере того же закала) люди, которые читали, интересовались во времена самого сильного разгара славы автора "Рудина" и "Дворянского гнезда".

Воспитание, образ жизни и общественное положение кладут неизгладимую печать на политические и литературные убеждения людей. Наше общество сороковых годов (или, лучше сказать, мыслящая его часть), составляющее и доньше главный контингент читающей публики, не могло похвалиться особенною ясностью своих стремлений.

В людях того времени (все-таки в лучших) было в высшей степени развито чувство неудовлетворенности окружающей средой, но в этом чувстве замечалось так много смутного и беспредметного, что мысль, не будучи в состоянии определенно наметить для себя ясные исходные пункты, не могла не только прийти к каким-либо разрешениям, но даже не чувствовала потребности и доискиваться их. Недовольство питало само себя; оно служило самому себе и причиной и разрешением; это было не более как приличное занятие, тщету которого мы начинаем понимать только теперь, когда в мнении читающей публики вдруг совершился крутой поворот и прежнее недовольство внезапно превратилось в самое невозмутимое довольство.

По-видимому, в нашем обществе сороковых годов чувствовался известного рода умственный и нравственный разрыв, который проводил между поколениями границу довольно резкую, но, в сущности, разрыв этот далеко не был так глубок, как это кажется с первого взгляда. Этот кажущийся разрыв не затрагивался до оснований, а ограничивался одними внешними формами. Оба поколения, то есть и отцы и дети тогдашние" стояли на одной и той же идеально-политической почве, и вся разница, их разделяющая, заключалась только в том, какое имя носила та нравственная или политическая утопия, которой держались в том или другом лагере. Если одних еще удовлетворяли патриархальные отношения даже в такой форме, как крепостное право, и если другие начинали уже тяготиться ими, то это не мешало сходиться обеим сторонам в том чувстве кастической отчужденности, которая, даже в самых порывах великодушия, не идет далее отвлеченной справедливости и никогда не отождествляет себя живому делу настолько, чтобы нельзя было приметить в их попытках в этом смысле признаков свойства чисто механического. Если одни подчиняли все свои действия посредничеству внешних сверхъестественных сил и ежели другие уже не удовлетворялись объяснениями такого рода, то это нимало не мешало этим другим прибегать к объяснениям, хотя и имеющим внешний вид, различный от первых, но в сущности столь же нетвердым и произвольным.

Одним словом, если не сходились люди в подробностях, степени развития и формулах своих

А